

Петр Пыш
Высшая школа финансов и управления
в Белостоке
Fachhochschule für Wirtschaft und Technik
Vechta/Diepholz/Oldenburg

Неолиберализм/кейнсианство versus ордолиберализм и мировой экономический порядок*

Целью, поставленной автором реферата, была попытка ответить на вопрос, создают ли и в какой мере неоклассическая теория с неолиберальной доктриной и кейнсианство, с одной стороны, и ордолиберализм с другой, концептуальные основы для экономической политики, направленной на выведение мировой экономики из нынешнего, характеризующегося хаосом и элементами анархии, состояния «нарушенного равновесия» в сторону сформирования устойчивого мирового порядка.

В реферате будут рассмотрены следующие вопросы:

- История и современность мировой экономики
- Неоклассическая теория и неолиберальная доктрина
- Кейнсианство с перспективы ордолиберальной теории
- Теории экономического порядка
- Заключение.

1. История и современность мировой экономики

Общепризнано, что современный кризис мировой экономики ни под каким углом не является типичным конъюнктурным кризисом. Он начался в 2007 году в результате нарастания пузыря т.наз. *subprime credit* в отрасли недвижимости в Соединенных Штатах и связанным с этим распространением «инновационных», все новых и более сложных финансовых продуктов с Wall Street почти на весь мир. Кризис дошел до своей первой пиковой точки при банкротстве нью-йоркского инвестиционного банка Lehman Brothers в сентябре 2008. Как и в 1929/1930 годах мир встал перед угрозой экономического кризиса, сравнимого с великой депрессией 1929-1933. Правительства наибольших экономик мира – Соединенных Штатов, высокоразвитых стран Западной Европы и Китая отреагировали на эту очень реальную угрозу в 2008/2010 гг. гигантскими конъюнктурными пакетами, финансовой помощью для сильно затронутых кризисом коммерческих банков, а центральные банки включая ФРС и ЕЦБ поддерживали спасательные акции через политику изобилия «дешевых» денег. Благодаря этому, удалось избежать такого резкого, как в 1929-1933 годах, спада общехозяйственного спроса, а также производства и занятости.

Но правительства стран, реализующих кейнсианскую экономическую политику, попали в «ловушку долгов». Возникла парадоксальная ситуация. Чтобы оживить спрос и спасти коммерческие банки от банкротства правительствам пришлось брать

---

* За дискуссию о тезисах работы и помощь в ее редактировании приношу благодарность д-ру Анне Э. Грабской (университет в Белосток) и д-ру Михалу Мошиньскому (университет им. Миколая Коперника в Торуня). Реферат подготовлен в рамках собственного исследовательского проекта № N N 112 258439 «Концепции устанавливаемого и спонтанного экономического порядка в процессе системной трансформации хозяйства Польши и бывшей ГДР»

огромные кредиты на международных финансовых рынках и тем самым еще больше задолжаться. В результате значительно выросли расходы по обслуживанию публичного долга. «Спасатели» в поиске дальнейших кредитов попадали во все большую зависимость от спасенных ими банков, требующих при закупке правительственных ценных бумаг – за исключением американских и немецких – все высшего процента. Это уже прямо вело к кризису европейской валюты, непосредственная причина которого заключалась в том, что у средиземноморских стран зоны евро нарастали сложности с обслуживанием их публичного долга, и в 2010-2011 годах они встали перед реальной угрозой банкротства. Это указывает на наличие глубокого и очень сложного – если учесть коинциденцию экономического кризиса с социальным и экологическим – кризисного синдрома капиталистической экономики высокоразвитых западных стран.¹ В частности, это склонило малайского политолога и дипломата к утверждению, что Азия лучше справляется с рыночной экономикой, чем Запад, забывший о том, же рынок требует управления со стороны государства.²

Известен и часто цитируется тезис Карла Маркса, по которому условия материального бытия общества определяют его сознание. В несколько иной формулировке - это тезис об экономической базе общества, предопределяющей его идеологическую надстройку. Однако в контексте событий мирового экономического кризиса представляется целесообразным обратить эту взаимозависимость. Дело в поиске ответа на вопрос, было ли и в какой мере состояние сознания обществ высокоразвитого капитализма причастно к появлению такого глубокого и продолжительного кризиса? Конкретизируя эти рассуждения в отношении экономических, можно сослаться на высказывание Джона Мейнарда Кейнса: *„...идеи экономистов и политических мыслителей, и когда они правы и когда ошибаются, имеют гораздо большее значение, чем все думают. В действительности только они и правят миром. Люди практики, которые считают себя совершенно неподверженными интеллектуальным влияниям, обычно являются рабами какого-нибудь экономиста прошлого.“*³

В первую очередь следует назвать вытеснение кейнсианства как доминирующей экономической доктрины в период стагляции семидесятых годов XX века неолиберальной доктриной. Мильтон Фридман и чикаговская школа экономики постепенно завладели в это время способом мышления экономистов и экономических политиков. Последствием этого переворота в мышлении стала ориентированная на неолиберальные принципы монетаризма и предложенческой экономики хозяйственная политика правительств Рональда Рейгана в США и Маргарет Тэтчер в Великобритании. Британская премьер популяризировала в восьмидесятых годах в отношении проводимой ею неолиберальной экономической политики знаменитую формулу TINA. После упадка на переломе восьмидесятых и девяностых годов XX века блока государств реального социализма во главе с Советским Союзом, сопровождающегося объединением Германии, западным миром овладела эйфория. Капитализм праздновал окончательный триумф в обещанном Владимиром Лениным после победы Октябрьской революции в 1917 году соперничестве социально-экономических строев. Эйфория достигла spectacularного пика в равно прославленном, как и наивном тезисе книги Фрэнсиса Фукуямы 1992 года о «конце

---

¹ Садовски, З., *W поиске пути развития. Мысли о будущем мира и Польши*, ПАН, Комиссия по прогнозам «Польша 2000 Плюс», Варшава 2006, стр. 15-31.

² Mahbubani, K., *Marktwirtschaft kann Asien besser*, „Financial Times Deutschland“, 09.02.2012, стр. 244.

³ Кейнс, Дж. М., *Общая теория занятости, процента и денег*, PWN, Варшава 1956, стр.498

истории».⁴ Опирающаяся на личную свободу и частную собственность на средства производства рыночная экономика и либеральная демократия должны были безраздельно и прочно овладеть будущим человечества. Символическим персонажем времен триумфа капитализма стала сыгранная Майклом Дугласом финансовая акула Гордон Гекко. В фильме «Уолл-Стрит» режиссера Оливера Стоуна конца декады восьмидесятых годов Гекко пропагандирует жадность как ценность, необходимую для бизнеса и экономики. Его жизненный девиз звучит «жадность – это хорошо». В похожем духе высказывается главный теоретик торжествовавшего тогда неолиберализма М. Фридман, отвечая на вопрос о самых сильных движущих силах человеческих действий „...несомненно жадность, еще раз жадность, ненависть и любовь“.⁵

Воображение об обществе, базирующемся на жадности и ненависти как движущих силах человеческих действий, стоит в противоречии со взглядами Адама Смита, который в изданной в 1759 году *«Теории моральных чувств»* подчеркивал решающее значение опирающихся на взаимную симпатию человеческих отношений как связи, объединяющие общественные группы и целые общества. Если бы же такой взаимной человеческой симпатии не было, то, по Смиту, существующее общество превратилось бы в общество купцов, которое, правда, могло бы далее функционировать, но в котором люди не могли бы быть действительно счастливыми.⁶ В такого рода обществе еще усиливаются, впрочем, всегда выступающие в истории тенденции к спекуляции. В тридцатых годах XX века на человеческую склонность к спекуляции обращает внимание Джон Мейнард Кейнс, соединяя это с *animal spirits*, оказывающими, по его мнению, непреложное влияние на хозяйственные решения. *«Спекулянты могут быть безвредны, как пузырь на устойчивом потоке деятельности предприятия. Но положение становится серьезным, когда предприятие превращается в пузырь на поверхности водоворота спекуляции. Когда развитие капитального строительства становится побочным продуктом какого-то казино, появляется большая вероятность печальных результатов»*⁷. Слова британского экономиста, сказанные относительно уже тогда сильной склонности американцев к биржевым спекуляциям, оказались пророческими также в первом десятилетии XXI века.

Примером, подтверждающим эти предвидения, является развитие событий на международных финансовых рынках. Финансовым институтам, т.е. главным образом крупным инвестиционным банкам, целевым и хеджированным фондам с их очень сложными и все менее транспарентными финансовыми инновациями, удалось почти полностью выбраться за пределы действия правовых банковских регулирований в Соединенных Штатах, Великобритании и других западных странах. Следствием этого стала гипертрофия финансовых институтов в сравнении с другими сегментами экономики, особенно в англосаксонских странах. Их растущие размеры и спекулятивная активность на дословно «диком западе» фактически не регулируемых в мировом масштабе ничем и никем гигантских финансовых сделок, стали прапричиной катастрофы этих рынков во второй половине 2008 года. В отсутствие обязывающих правил игры и при низком уровне моральности активных на нем хозяйственных

---

⁴ Fukuyama, F., *The End of History and the Last Man*, Penguin, Harmondsworth 1992.

⁵ Friedman, M., *Es ist unmoralisch, Geld von den Reichen zu nehmen um es den Armen zu geben*, Interview mit Milton Friedman, „Süddeutsche Zeitung Magazin“, 23. Juni 2006, стр. 20.

⁶ Smith, A., *Theorie der ethischen Gefühle*, изд. 2, Felix Meiner Verlag, Hamburg 1977, стр. 52-60, 127.

⁷ Кейнс Дж.М., *op. cit.*, стр. 203.

субъектов рынок продемонстрировал еще раз – хорошо известную в хозяйственной истории – имманентную тенденцию к самоуничтожению.⁶ Ведь в рыночной экономике свобода хозяйствующего индивида требует несения ответственности. Бывший канцлер Федеративной Республики Германии и экономический публицист гамбургского еженедельника «Die Zeit» Хельмут Шмидт высказался на тему отсутствия ответственности менеджеров международных финансовых институтов так: „...Прежде всего в Нью-Йорке и Лондоне мы имеем дело с комбинацией высокого интеллекта с математическими дарованиями, экстремальным эгоизмом и желанием обогащаться при отсутствии в то же время какого-либо чувства ответственности. Эту болезнь можно определить как необузданную жажду наживы...“.⁷

Чрезмерное разрастание международных финансовых рынков и спекулятивное безумие имеют в без малого тридцатилетнюю эру господствования доктрины неолиберализма ряд взаимозависимых причин. Одним из важнейших виновных факторов является скопление денежного капитала огромных размеров в руках финансовых элит в США и Западной Европе, что стало возможным в высокоразвитых капиталистических странах по окончании Второй мировой войны, благодаря уже более шестидесяти годам господствования мира. На это накладываются последствия политики «дешевых денег», проводимой многими центральными банками высокоразвитых стран современного капитализма, призванной оживить глобальный спрос и постоянно накручивать экономический рост. Темп прироста количества денег в обращении был, особенно в Соединенных Штатах, намного выше, чем динамика производственного потенциала экономики. Для существующих излишков денег искали возможности их рентабельного ангажирования. Представлялось, что спекуляция предлагает более скорые и обещающие возможности, чем ориентированные по природе вещей на более длительный период инвестиции в сфере реальной экономики. Спекуляция приносит тем высшую рентабельность ангажированного капитала, чем больше применяет *leverage*, т.е. дополняет и умножает собственный капитал взятыми кредитами. Но многовековой исторический опыт показывает, что неумеренность кредитования спекуляции всегда и везде ведет к краху и экономическому упадку. Это находит отражение в литературе еще античных времен. И античные философы, Библия, Коран, и средневековые схоластики остерегали перед опасностями, связанными с кредитами и начислением на них процентов.⁸ И в драме Уильяма Шекспира *Гамлет* Полоний предостерегает сына «*Не занимай и не ссужай*»⁹. Но инвесторы, руководствующиеся в своих решениях кейнсианскими *animal spirits* и нагоняемые жадностью в эйфорическую эру неолиберализма не принимали этих предостережений во внимание.

2. Неоклассическая теория и неолиберальная доктрина

История неолиберальной доктрины (или неолиберализма) уходит в прошлое глубже, чем семидесятые годы XX века, когда в эру прежде неизвестной, но широко распространенной в западном мире стагнации эта доктрина стала вытеснять из научного обращения науку Дж.М. Кейнса и популяризированное его последователями кейнсианство. В 1925 году в книге швейцарского экономиста Ханса Хонеггера „*Volkswirtschaftliche Gedankenströmungen*“ понятие неолиберализма появилось как заглавие одного из ее разделов. В свою очередь, в 1932 году на тему необходимости

⁸ Sedlacek, T., *Die Ökonomie von Gut und Böse*, Carl Hanser Verlag, München 2012.

⁹ Mankiw, G. N. / Taylor, M. P., *Grundzüge der Volkswirtschaftslehre*, 4. Auflage, Schäffer-Poeschel Verlag, Stuttgart 2008. стр. 656

реализации неолиберальной экономической политики в Германии высказался на конференции немецкоязычного общества экономистов «Verein für Socialpolitik» ордолиберальный социолог и экономист Александр Рюстов. Этот ученый убедил большинство участников прошедшего в Париже в августе 1938 года знаменитого коллоквиума Вальтера Липпманна определить создаваемое всемирное движение либералов названием неолиберализм. Группа более двадцати либералов из Германии, Австрии, Франции и Соединенных Штатов, участвовавших в парижском коллоквиуме, представляла ядро основанной у Женевского озера в Швейцарии в 1947 году по инспирации Фридриха Августа фон Хайека неолиберального «Mont Pelerin Society».¹⁰ В этой первой послевоенной встрече либералов участвовали, в частности, Вальтер Ойкен и Франк и Мильтон Фридман. Фамилии этих ученых сигнализируют наметившийся уже тогда раздел в кругу неолиберальных мыслителей. Ведь Ойкен стал духовным предводителем развивавшегося в Германии еще с тридцатых годов XX века ордолиберализма. В свою очередь, Найт и Фридман уже тогда были ведущими представителями *Chicago school of economics*, которая после десятилетий борьбы с кейнсианством в семидесятых годах под названием неолиберальной школы завладела способом мышления экономистов и экономических политиков. Дальнейшие рассуждения, касающиеся неоклассики и неолиберальной доктрины, относятся к выходящейся, главным образом, из университета Чикаго американской версии неолиберализма. Немецкая же его версия, определяемая заменительно названием «фрибургской школы» или еще более метко ордолиберализмом, пока не будет предметом рассуждений.

Ордолиберальный экономист Вальтер Ойкен напоминает высказывание одного из английских интеллектуалистов – современника Адама Смита, который утверждал, что этот мыслитель определенно убедит свое поколение и завладеет мышлением следующих.¹¹ И был совершенно прав. Уже почти двести пятьдесят лет наука экономии развивается в назначенном ее «духовным отцом» направлении анализа функционирования рынка и его «невидимой руки». Существенную для классической либеральной мысли, а затем неоклассической школы и неолиберализма интерпретацию экономики как обособленной от общества как целого подсистемы с конституирующими эту обособленность структурными свойствами (частная собственность, рациональность поведения экономических субъектов, максимизирующих функцию полезности, эластичные цены и рыночное равновесие) инициировало опубликование через семнадцать лет после «Теории моральных чувств» (1759) его очередного труда «Исследование о природе и причинах богатства народов» (1776). Если «Теория» представляет общее описание способа функционирования человеческих обществ и объединяющих их связей взаимной симпатии, то в «Богатстве народов» А.Смит, применяя метод „изолирующей абстракции“ сосредоточивает внимание на одном избранном аспекте жизни общества, на экономическом. На аналитический подход этого автора к экономике как обособленной подсистеме общества наложилась спустя более ста лет амбиция исследователей экономистов создать теорию экономии. Она должна была так же, как ее – все еще не достигнутый и, впрочем, недостижимый образец для подражания - теоретическая физика, встать над временем и пространством, то есть стать *stricte* теоретической наукой.

---

¹⁰ Hampe, P., *Zur Entstehungsgeschichte und zum Bedeutungswandel eines verqueren Begriffes*, „Ifo Schnelldienst“, № 9/2010, стр. 14.

¹¹ Eucken, W., *Nationalökonomie wozu?*, 5. издание, Klett-Cotta, Stuttgart, 2005, стр. 55-56.

Во второй половине XIX века одновременно с т.наз. «маргиналистической революцией» появились предпосылки, способствующие реализации этого намерения. Здесь идет речь, в первую очередь, о введении Стэнли Джевансом и Карлом Менгером в экономическое мышление открытого за несколько десятилетий до этого Германом Г. Госсеном понятия предельной полезности и маргинального расчета. Если английские классики политической экономии А. Смит и Джон Стюарт Милль учитывали в рассуждениях еще и широко понимаемые институциональные рамочные условия хода процесса хозяйствования и их влияние на поведение хозяйственных субъектов, то «маргиналистическая революция» положила начало концентрации усилий исследователей теоретиков на самом ходе процесса хозяйствования. При этом они последовательно абстрагировали от существующего в данных странах и обществах экономического порядка, обусловленного в своем развитии и современной форме их зачастую разной историей и культурой. Внимание же исследователей сосредоточивалось все больше на опирающихся на рестриктивные положения экономических моделях, поднимающих проблематику взаимного приспособления на отдельных рынках и в общехозяйственном масштабе изменчивых величин предложения, спроса и цен.¹² Заинтересованность ходом процесса хозяйствования была сведена к проблематике функционирования абстрактного, модельного рынка как механизма общехозяйственной координации и размещения благ и ресурсов.

Решающим импульсом для такого направления способа мышления экономистов теоретиков стал опубликованный в 1874 году труд Леона Вальраса «Elements d'économie politique pure». Приняв предположение о существовании рынка совершенной конкуренции, автор поставил перед собой задачу математически представить изменчивые экономические взаимозависимости в общехозяйственном масштабе. Согласно вальрасовской системе одновременных для всех рынков уравнений, т.е. рынков товаров, факторов производства и денег, изменение величины одной переменной оказывает большее или меньшее влияние на другие. Л. Вальрас положил основы теории общего равновесия, вокруг которой до настоящего времени сосредоточивается заинтересованность мыслителей неоклассической школы. Й. А. Шумпетер в посмертно опубликованной в 1954 году работе „History of Economic Analysis” утверждал, что система Л. Вальраса является единственным трудом представителя экономических наук, который можно сравнить с достижениями теоретической физики¹³. Коронацией маргинального способа экономического мышления стало в начале XX века признание критерия Вильфредо Парето критерием оптимального размещения в общехозяйственном масштабе. Для подчеркивания большого значения этого события в литературе употребляется определение «паретовский переворот».¹⁴

После переформулирования в период 1950-1970 Жерардом Дебре и Кеннетом Эрроу общей теории равновесия Л. Вальраса на основании нового метода математического исследования, т.е. аксиоматического, «... аксиоматическая невальрасовская теория общего равновесия получила в экономике позицию фундаментальной, на основании которой должны строиться все другие

---

¹² Пыш, П., *Социальное рыночное хозяйство. Ордолиберальная концепция экономической политики*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Варшава, 2008, стр. 137.

¹³ Felderer, B., Leon Walras (1838-1910), в коллективном труде (Hrsg.): Starbatty Joachim: *Klassiker des ökonomischen Denkens II*, München, Verlag C. H. Beck, 1989, стр. 59.

¹⁴ Войтына, А., *Современная экономия - продолжение или поиск парадигмы?*, „Ekonomista“ № 1, 2008, стр. 22.

экономической теории».¹⁵ Впрочем, эта теория подчинила себе главное течение неоклассической мысли вплоть до нынешнего времени.¹⁶ На методологические последствия развития неоклассической экономической теории в сторону прогрессирующей формализации и логической прецизионности обращал внимание О. Ланге еще в конце пятидесятых годов XX века. «Вследствие такого преобразования характера политической экономии, она перестает быть наукой эмпирической, трактующей о неких реальных явлениях, а становится формальной «логикой выборов», в которой критерием правдивости констатаций, как в логике и математике, является только непротиворечивость принятым аксиомам. Примеренная к действительной хозяйственной человеческой деятельности, такая «логика выборов» эмпирически правдива настолько, насколько деятельность является поведением, соответствующим принципу хозяйственности».¹⁷ Джон Кеннет Гэлбрейт, десятилетиями критиковавший это проблематичное направление развития главного течения неоклассической экономики, употребил в связи с этим попадающее в суть определение «техническое бегство» экономики от реального мира.¹⁸

Строгий модельный характер неоклассической теории экономики оказал влияние на восприятие рынка и способа его функционирования неоклассическими экономистами, экономическими публицистами и общественным мнением. Распространялась вера в его совершенное функционирование. Для периодически появляющихся в действительности экономических дисфункций отдельных рынков причину искали только вне их, прежде всего в ограничении свободной сферы функционирования рыночного механизма. Остро критиковали как, впрочем, часто меняющиеся правила экономической игры, так и негласный государственный интервенционизм в ходе процесса хозяйствования. Апологетика свободы человеческой личности на рынке и ничем не ограниченного свободного функционирования рыночного механизма усилилась вместе с начатой в стафляционном десятилетии семидесятых годов XX века экспансией монетаризма и предложенческой экономики. Главное течение теории экономики все больше отдалялось от реально существующих рынков и их нередко субоптимального или дисфункционального функционирования в направлении идеала их абсолютного совершенства. Эта в формальном совершенстве красивая иллюзия совершенного рынка исполняла идеологическую функцию, способствуя имплементации типичных для англосаксонских экономик решений во многих других регионах мира. Британская премьер Маргарет Тэтчер поддерживала эту тенденцию, пропагандируя формулу „*There is no alternative*“ (TINA). Среди экономистов и экономических политиков распространялась своеобразная «мода» на рыночный фундаментализм.¹⁹ Она сочеталась с акцептацией неолиберальной доктрины не только среди экономических экспертов, но и в более широких кругах обществ высокоразвитых капиталистических стран.

---

¹⁵ Хокуба, Зб. / Бжезиньски М., *Оскара Ланге синтезы экономических теорий*, в коллективном труде под научной редакцией Здзислава Садовского: *Оскар Ланге и современность*, Издательство Польского экономического общества, Варшава, 2005, стр. 307.

¹⁶ Flassbeck, H., *Glasperlenspiel oder Ökonomie – Der Niedergang der Wirtschaftswissenschaften*, „Blätter für deutsche und internationale Politik“, № 9/ 2004, стр. 1072-1073.

¹⁷ Ланге, О., *Политическая экономия*, Государственное научное издательство, Варшава, 1959, стр. 208.

¹⁸ Гэлбрейт, Дж. К., *Экономия в перспективе. Историческая критика*, Польское экономическое общество, Варшава 2011, стр. 262.

¹⁹ Supp, B., *Umbarmherzige Samariter – Wie Margaret Thatcher und ihre deutschen Schüler die marktkonforme Demokratie geschaffen haben*, „Der Spiegel“ 6/2012, стр. 56.

Культивируемая неоклассической теорией апологетика функционирования рынка как совершенного механизма общехозяйственной координации и размещения была компримирована в неолиберальной доктрине до нескольких ведущих лозунгов. Их простота и общая понятность облегчили пропагандирование неолиберализма среди широких кругов общества. Привлекательность неолиберальных лозунгов усиливалась большой верой их глашатаев в то, что они единственно правильны. Это иллюстрирует выше упомянутая формула „TINA“ Маргарет Тэтчер. Аргументом в пользу безальтернативности неолиберальной экономической политики пользовались, наряду с британской премьер, и другие приверженцы этой доктрины. Конституирующими элементами неолиберальной доктрины, сформированной в пятидесятых и шестидесятых годах XX века в борьбе с доминировавшей тогда наукой Дж.М. Кейнса и кейнсианством, были лозунги:

- Частная собственность на средства производства превосходит по эффективности хозяйствования все другие формы собственности,
- Государство должно быть «маленьким», что влечет за собой необходимость снижения налоговых ставок согласно указаниям, вытекающими из «кривой Лаффера» и ограничения расходов на социальную помощь и публичные блага,
- Чтобы обеспечить стабилизацию уровня цен темп прироста количества денег в обращении должен быть увязан с динамикой роста производственного потенциала экономики или внутреннего продукта брутто,
- Предложенческая сторона экономики требует поддержки путем дерегуляции, ограничения власти профсоюзов, снижения налогов, поддержки технологического прогресса и других видов содействия производителям,
- Дерегуляция международных финансовых рынков обеспечивает эффективное размещение капитала в глобальном масштабе, а также посредством диверсификации вкладов снижение риска денежных инвестиций,
- Саморегулирование международных финансовых рынков обеспечивает само по себе их равновесие и информационно эффективные цены подлежащих обмену активов.

В профессиональной литературе неолиберальная доктрина в наиболее кратком изложении характеризуется как т.наз. «святой триадой» – приватизацией, дерегуляцией и макроэкономической стабилизацией.

3. Кейнсианство с перспективы ордолиберальной теории

Кризисное развитие событий в мировой экономике и во многих высокоразвитых рыночных хозяйствах, главным образом, Соединенных Штатов, Японии, Германии и других западноевропейских экономик в 2007-2010 годах, оказало влияние на восприятие общепризнанных в последних десятилетиях XX века концепций экономической политики. Начавшийся в 2007 году кризис международных финансовых рынков со все более зримыми в последующие годы последствиями для растущей публичной задолженности в высокоразвитых экономически странах и сферы реальной мировой экономики в виде спада размеров инвестиций, внутреннего продукта брутто и роста числа безработных сбросил с пьедестала безальтернативности неолиберальную концепцию политики монетаризма и предложенческой экономии. В огне острой критики кейнсианской ориентации со стороны многих ведущих американских экономистов оказалась также представляющая теоретическую базу этих концепций

неоклассическая теория экономии.²⁰ Жесткая необходимость преодоления экономической политикой спада эффективного спроса в наибольших экономиках высокоразвитых стран способствовала *nolens volens* ренессансу концепции Дж.М. Кейнса. Во время World Economic Forum в Давосе 2009 прозвучали голоса, прямо утверждающие, что «все мы теперь кейнсисты»²¹, которые не замолкли и даже, совсем наоборот, усиливаются вплоть до сегодняшнего дня.

Как кейнсианство, так и ордолиберализм, помимо существования между ними многих немаловажных различий, имеют, однако, некоторые свойства, делающие их сходными. С одной стороны, следует видеть факт, что эти школы экономического мышления являются почти что ровесниками. Ведь их главные парадигмы развивались приблизительно параллельно в тридцатых и сороковых годах XX века. Существенно и то, что каждая из этих школ мышления ставила перед собой сходные фундаментальные задачи. Речь шла о спасении общества, основанного на свободе человеческой личности, частной собственности на средства производства и рыночной координации экономической деятельности, от усиливающихся во время Великого Кризиса 1929-1933 и после него социалистических и тоталитарных тенденций. С перспективы задачи преодолеть современный кризис мировой экономики и его продолжительные не только экономические, но и социальные и экологические последствия надо, помимо упомянутого сходства кейнсианства и ордолиберализма, представить некоторые сомнения относительно пригодности кейнсианства для его реализации.

Во-первых, не оспаривая многократно проверенной с измеримым успехом пригодности кейнсианской концепции в генерировании государством дополнительного эффективного рыночного спроса и выведения экономик из состояния рецессии/депрессии на тропу экономического роста, нельзя забывать, что ее реализация может оказаться для экономики отдельных стран, как и мировой, эффективной терапией только в коротком периоде. Ее полезность исчерпывается в длительном периоде, которого британский экономист по понятным соображениям не любил, утверждая «*In the long run we are dead*». Ведь наука Дж.М. Кейнса и кейнсианство по своей природе ориентированы на по возможности быструю корректуру *ex post* глубокого экономического неравновесия. После достижения подверженным такого рода спросному курсу лечению хозяйством состояния макроэкономической стабилизации в нем через некоторое время снова усиливаются – как известно по опыту, связанному с конъюнктурными циклами – дестабилизационные тенденции, требующие очередного применения кейнсианских рецептов. Представляется, что здесь проступает аналогия с применением в медицине антибиотиков. После преодоления данной болезни и быстрого возвращения к здоровью большинство пациентов раньше или позже снова являются к врачу с очередными требующими лечения недугами. Перестройка же экономического порядка требует как бы по природе вещей долгого, если не даже очень долгого временного горизонта. Так что временные горизонты кейнсианской политики и политики системной трансформации принципиально разные. В соответствии с кейнсианством вмешательство органов политической власти в ход процесса хозяйствования «репродуцирует» постоянный спрос на его повторение через относительно короткие нескольколетние промежутки времени. Ордолибералы, правда, не исключали полностью вмешательств такого рода в ход процесса хозяйствования, но

---

²⁰ Krugman, P., *How Did Economists Get It So Wrong?*, „The New York Times“, 6 September 2009.

²¹ Clausen, СТР., Zöttl, I., *America forever*, „Financial Times Deutschland“, 30. Januar. 2009, стр. 16.

допускали их только в исключительных ситуациях, характеризующихся резкими экзо- и/или эндогенными шоками.²²

Во-вторых, кейнсианство проявляет с перспективы задачи по перестройке порядка мировой экономики еще одну слабость. Наука Дж.М. Кейнса и неолиберальные идеи М. Фридмана и чикагской школы при их применении имеют, правда, редко замечаемые, но тем не менее существенные сходные последствия. Эти принципиально отличные и даже противоречивые концепции экономической политики, приверженцы которых остро боролись друг с другом, предполагают в отношении определенного аспекта этой политики точно одно и то же, т.е. ее прямое воздействие на ход процесса хозяйствования. Согласно кейнсианству, это означает управление государством с применением инструментов фискальной и денежной политики (норма рефинансирования коммерческих банков), в принципе негласно, ходом процесса хозяйствования со стороны эффективного спроса. В свою очередь, неолиберальная концепция предложенческой экономии и монетаризма предполагает воздействие государства через посредство инструментов фискальной и налоговой политики и дефинированного М. Фридманом правила, определяющего прирост количества денег в обращении в зависимости от роста внутреннего продукта брутто или производственного потенциала экономики, на размеры агрегированного предложения, а также на стабильность уровня цен. Fascination теоретиков экономии и экономических политиков возможностями непосредственного воздействия со стороны спроса (кейнсианство) или же предложения (предложенческая экономия и монетаризм) на ход процесса хозяйствования отвлекало внимание от формирования экономического порядка, т.е. формальных и неформальных правил игры рыночных субъектов. Это утверждение касается в еще большей степени влияния экономической политики на готовность и умение хозяйствующих индивидов нести ответственность перед самим собой, своими близкими и обществом за свою свободу выбора экономических альтернатив.²³ Особенно востребованная в постсоциалистических странах системной трансформации, а также в странах т.наз. «восходящих рынков» воспитательная функция экономической политики, заключающаяся в самоучении хозяйствующих индивидов соблюдать обязывающие правила экономической игры и ответственно пользоваться своей свободой, отстает в кейнсианстве и неолиберальной доктрине на дальний план.

В-третьих, кейнсианство, впрочем, как и неолиберализм, особенно в его версии предложенческой экономии, способствует распространению тенденции множить негласное вмешательство государства в экономику. Эта тенденция дает о себе знать в рамках экономической политики, ориентирующейся на науку Дж.М. Кейнса. Эта политика, признавая государству для выполнения задачи, выходящие за пределы лессеферистской идеи «ночного сторожа», не постулирует – впрочем, в соответствии с ее основными положениями – типичную для неолиберальной риторики идею «маленького» государства. Ведь кейнсистерская концепция имеет вытекающие из ее функциональной логики институциональные последствия. Возложение на государство задачи стимулирования глобального рыночного спроса и управления через его посредничество ходом процесса хозяйствования требует расширения

---

²² Х. Ф., Вюнше, *Людвига Эрхарда отрицание конъюнктурной политики и акцептация антикризисной политики Дж. М. Кейнса*, [в:] ред. Моньчиньска Эльжбета / Выш Петр, *Идеи Ордо и Социальное рыночное хозяйство*, Польское экономическое общество, Варшава 2010, стр. 124.

²³ Пыш, П., *Комплементарность и синтез концепций экономической политики Вальтера Ойкена и Людвига Эрхарда*, [w:] ред. Эльжбета Моньчиньска, Петр Пыш, *Идеи Ордо и Социальное рыночное хозяйство*, Польское экономическое общество, Варшава 2010, стр. 68-69.

бюрократического аппарата. Занятые реализацией этой задачи государственные институты, чтобы обосновать необходимость существования и дальнейшей экспансии их бюджетов, постоянно ищут новые возможности текущего вмешательства в ход процесса хозяйствования. Исторический опыт периода доминирования кейнсианской концепции в экономической политике высокоразвитых рыночных хозяйств (за исключением социальной рыночной экономики в послевоенной Западной Германии) от окончания Второй мировой войны вплоть до ее пресловутого Ватерлоо во время стагнации во второй половине десятилетия семидесятых годов XX века является иллюстрацией этому. Он подтверждает появление тенденции к расширению бюрократического аппарата государства и усилению вмешательства государства в ход процесса хозяйствования.

Но и экономической политике, ориентирующейся в последующих десятилетиях XX века, прежде всего, на неолиберальную концепцию, не удавалось, помимо торжественных заявлений политиков, приблизиться к реализации девиза «маленького государства». В случае неолиберализма это парадокс. Ведь одним из ключевых элементов неолиберальной доктрины, пропагандируемой Рональдом Рейганом и Маргарет Тэтчер, был именно этот девиз. Самая существенная причина повторяющихся вмешательств государства в ход процесса хозяйствования и расширение его аппарата идентична в случае кейнсианства и неолиберальной концепции. Она представляет собой сосредоточение действий экономической политики вокруг хода процесса хозяйствования, а не формирования правил игры, в рамках которых этот процесс мог бы реализоваться. Как кейнсианство, которое, впрочем, вообще не имело такого намерения, так и неолиберализм, который программно стремился к ограничению роли государства в экономике, не сумели эффективно противопоставиться действию сформулированного еще в XIX веке «закона Вагнера». Он устанавливает усиливающуюся по мере прогрессирующего экономического развития тенденцию к расширению деятельности государства в экономике и растущему участию его расходов во внутреннем продукте брутто.²⁴

Экономическая политика, опирающаяся как на науку Дж.М.Кейнса, так и на неолиберальную доктрину, способствуют множению негласных вмешательств органов политической власти в ход текущего процесса хозяйствования. Это с перспективы ордолиберальной теории - «первородный грех». Негласная политика «репродуцирует» спрос на дальнейшие ее вмешательства в ход процесса хозяйствования. Запускается *perpetuum mobile* интервенционизма. Увязнувшее в ловушке вмешательства государство напоминает – по старой китайской поговорке – рыбу, «...вытащенную из воды, которая бешено бьется и подпрыгивает, пытаясь в воду вернуться. В таком состоянии рыба никогда не спрашивает, где она окажется после следующего удара хвостом. Она лишь чувствует, что ее нынешнее положение невыносимо и что надо пытаться что-то сделать.»²⁵ Текущие, фрагментарные, краткосрочные и реагирующие, главным образом, ex post вмешательства экономической политики в появляющееся в ходе процесса хозяйствования неравновесия и дисфункции стоят в противоречии с основами теории и политики формирования экономического порядка.

---

²⁴ *Lexikon der Volkswirtschaft*, 6. Auflage, Verlag Moderne Industrie, Landsberg am Lech, 1994, стр. 1004

²⁵ Туров Л. К., *Будущее капитализма: Как сегодняшние экономические силы формируют мир завтрашнего дня*, Wydawnictwo Dolnośląskie, Вроцлав 1999, стр. 13.

Кратко говоря, это – комплексность этой политики, ее связность и ориентация на долгий временной горизонт.²⁶

4. Теории экономического порядка

Ограниченные достоинства кейнсистой мысли и неолиберализма как теоретической базы для экономической политики, реализующей задачу формирования порядка мировой экономики, видны при сравнении диапазона их исследовательского пространства с теориями экономического порядка. Здесь существенно различие экономического порядка и идущий в создаваемых им рамках (главным образом, но не единственно институциональных) процесс хозяйствования. Относительно хода процесса хозяйствования можно сказать, что со времен семнадцати- и восемнадцативекового меркантилизма экономическая политика предпринимала действия, направленные на рационализацию микроэкономических поведений рыночных субъектов – главным образом, сельскохозяйственных и промышленных предприятий (мануфактур). Развитая после мирового кризиса 1929-1933 наука Дж.М. Кейнса и его продолжателей создала, в свою очередь, теоретический фундамент экономической политики, направленной на рационализацию хода процесса хозяйствования в макроэкономическом измерении. Ее целью было ограничение сферы и интенсивности возникновения процессов общегосударственной и сопутствующей ей социальной дестабилизации. К этим общепризнанным и стандартным измерениям экономической политики добавляется у Вильгельма Репке, Людвиг Эрхарда и других ордолиберальных мыслителей, а также в современной бихевиоральной и экспериментальной экономики рационализация экономического поведения индивидов.²⁷ Теории экономического порядка, анализирующие экономику по своей основе комплексно, как тотальную модель, учитывают все названные измерения рационализации хозяйственных поведений в ходе процесса хозяйствования. Фундаментальной основой их способа мышления об экономике является рассмотрение хода процесса хозяйствования в рамках существующего экономического порядка, а не абстрагирование от него, как это делает сосредоточивающая все исследовательские усилия вокруг самого процесса неоклассическая теория.

Сопоставление исследовательских пространств обсуждаемых концепций экономической политики – неолиберализма, кейнсианства и теории экономического порядка - представлено в таблице 1:

Концепции экономической политики	Экономический порядок	Ход процесса хозяйствования		
	Формирование порядка	Макроэкономическое измерение	Микроэкономическое измерение	Индивиды
Теории порядка	да	да	да	да
Неолиберализм	нет	да	так/нет	нет
Д.М. Кейнс	нет	да	нет	да/нет

Таблица требует пояснительного комментария. Согласно взглядам теоретиков экономического порядка, наука экономики должна комплексно исследовать

²⁶ Пыш, П., op. cit., стр. 51.

²⁷ Пыш, П., op. cit.,.....стр. 145-146. см. также, Pysz, P. *Neuaufstellung oder Erweiterung der Ökonomie? – Ein Tagungsbericht*, in: „Orientierungen zur Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik“, № 129, September 2011, стр. 45-48.

функционирование хозяйствующего общества. Это значит, что следует учитывать, наряду со стоящим *ex definitione* в центре заинтересованности В. Ойкена и Ф.А. фон Хайека экономическим порядком, также его влияние на ход процесса хозяйствования в вышеназванных трех измерениях и *vice versa* воздействие хода процесса хозяйствования на формирование экономического порядка. Неoliberalизм в виде предложенческой экономии и монетаризма сконцентрировал исследовательские усилия вокруг хода процесса хозяйствования в макроэкономическом измерении, т.е. набора инструментов поддержки предложенческой стороны экономики и формулировки стабильных правил, определяющих ход пополнения экономики деньгами способом, предупреждающим появление в экономике инфляционных тенденций.²⁸ Неoliberalные экономисты, направляя исследовательские усилия на поддержку предложенческой стороны экономики, поднимали также микроэкономическую проблематику, особенно в отношении динамически развивавшегося в последних десятилетиях XX века международного финансового сектора. Однако в neoliberalной концепции индивид не является живым человеком, а лишь полностью рациональным идеальным типом «*homo oeconomicus*». Наука Дж.М. Кейнса сосредоточивается на макроэкономическом измерении хода процесса хозяйствования, экспонируя в противоположность neoliberalизму его спросную сторону. Британский экономист, анализируя, в частности, склонность потребителей к потреблению, генерированию сбережений и инвестированию рассматривал психологические аспекты человеческих хозяйственных поведений и их влияние на конъюнктурные колебания. Лишь его ученики и продолжатели, определяемые названием «кейнсисты», постепенно лишили концепцию Кейнса существенного для нее психологического фактора, т.е. человеческих „animal spirits“.²⁹

Помещая представленную в таблице проблематику в контекст истории экономической мысли, стоит напомнить, что среди выдающихся либеральных мыслителей периода перед Второй мировой войной одним из первых поднял основательную критику слабости классической/неоклассической либеральной мысли Вальтер Липпманн. В изданной в году 1937 книге «*The Good Society*»³⁰ он упрекал либеральный образ мышления об экономике в том, что его лозунги и постулаты имели, прежде всего, деструктивный характер. Это фундаментальное течение экономической и политической мысли концентрировалось в прошлом – по его мнению – односторонне на ликвидации факторов, ограничивающих свободу индивидов и свободное функционирование рынка как механизма координации и оптимизации размещения ресурсов и благ. Ведь доктрина лессеферизма интерпретировалась классическими либералами, прежде всего, как революционная идея борьбы за свободу. Истинной драмой либеральной мысли оказалось, однако, то, что – после эффективного разрыва пут, ограничивающих свободу личности и свободу функционирования рынка – отсутствовала концепция и воля строительства нового свободного экономического порядка. Среди либеральных мыслителей деструкция старого феодального или постфеодального порядка перевешивала, по мнению автора, формирование широко

---

²⁸ Садовски, З., *Через интересные времена – Беседы с Павлом Козловским о жизни, людях и событиях*, Польское экономическое общество, Институт экономических наук Польской Академии наук, Варшава 2011, стр. 262-263.

²⁹ Akerlof, G. A./Shiller, R. J., *Animal Spiritcmp. Wie Wirtschaft wirklich funktioniert*, Campus Verlag, Frankfurt/New York, 2009, стр. 11-12.

³⁰ На немецком языке книга впервые вышла в свет в Швейцарии в конце Второй мировой войны под заглавием «*Die Gesellschaft freier Menschen*», Берн, 1945.

понимаемых рамочных условий функционирования экономик и обществ в условиях наличия свободы личности и свободного рынка.³¹

Эта кардинальная мыслительная ошибка либерализма имела далекоидущие последствия. Либеральная мысль в экономике постепенно была вытеснена из ее главного течения наукой Дж.М. Кейнса и различными версиями марксистской и немарксистской социалистической мысли. Даже выдающийся теоретик развития капиталистической экономики и запускаемой предпринимателями-пионерами «творческой деструкции» Йозеф Алоиз Шумпетер в лекции, прочтенной в 1949 году в American Economic Association, утверждал, что на смену капитализму неизбежно придет экономический порядок, основанный на публичной собственности на средства производства.³² Однако упомянутая принципиальная ошибка либерализма, критикованная еще в конце тридцатых годов XX века, пятьдесят лет спустя была повторена приверженцами неолиберальной доктрины. Но неужели для либералов/неолибералов история не стала учительницей жизни? Неужели они были обречены на то, чтобы после периода триумфализма восьмидесятых и девяностых годов XX века испытывать, начиная с 2007/2008 года, очередные поражения и снова позволить вытеснить себя из центра экономических и политических дискуссий другими направлениями мышления? Либеральное мышление не подлежит, однако, детерминистической логике, как законы природы. Так что оно не должно неизбежно двигаться маятниковым движением между крайностями триумфализма и упадка. Во избежание такого рода радикальных интеллектуальных шоков в будущем надо вернуться к критике либерализма В. Липпманна и сделать из нее выводы на будущее. От этого в значительной мере будет зависеть, как мы справимся с современным кризисом мировой экономики и удастся ли избежать повторения такого рода упадков экономической и социальной стабильности мира в следующих десятилетиях.

Однако либеральная мысль об экономике глубоко увязла в фундаментальной ошибке. Здесь я имею в виду одностороннее экспонирование теоретиками главного течения теории экономики методологического индивидуализма как главного метода ведения научных рассуждений. Маргарет Тэтчер - ведущий политик эры неолиберализма последовательно переняла этот индивидуалистический образ мышления и, что типично для нее, радикально, утверждая: «Нет никакого общества, существуют только отдельные мужчины и женщины»³³. Так интерпретируемый методологический индивидуализм абстрагирует от того, что еще Аристотель определял человеческую личность как «*homo socialis*», и что индивиды живут со времен наших прибывших из Африки десять тысяч лет тому назад прапредков или еще тогда поселившихся меньшими или большими общественными группами на юге нынешней Франции и Испании неандертальских людей. «Духовный отец» современной науки экономики Адам Смит занимался в опубликованной в 1759 году «Теории моральных чувств» взаимной симпатией людей друг к другу как связующим, объединяющим отдельные личности в обеспечивающие их выживание и развитие общественные группы и общества. В наше время фельетонист „*New York Times*“ Дэвид Брукс озаглавил свою последнюю книгу о человеческой личности и ее эмоциях „*The Social Animal*“.³⁴ Одностороннее применение в исследованиях теории экономики

³¹ Lippmann, W., *Die Gesellschaft freier Menschen*, A. Francke AG, Bern, 1945, стр. 249-258.

³² Schumpeter, J. A., *Kapitalismus, Sozialismus und Demokratie*, 7. erweiterte Auflage, Francke Verlag, Tübingen-Basel 1993, стр. 509-525,

³³ Цитата из: Supp, B., op. cit.

³⁴ Brooks, D., *The Social Animal*, Random House, New York 2011.

методологического индивидуализма опасно отдаляло их от реалий экономической жизни, характеризующихся действиями индивида в рамках общественных групп и общества. Поэтому методологический индивидуализм в мышлении и либеральной теории требует дополнения методологическим холизмом.³⁵ Это означало бы реализацию симметрии в либеральном мышлении об экономике. Наряду с учетом несомненного факта, что фундамент свободного общества представляет свободная человеческая личность с ее индивидуальными интересами и ценностями, следует принимать во внимание другой тоже несомненный факт, что человеческая личность может существовать и реализовать свои интересы и ценности только в рамках общественной группы и/или общества. То есть вопреки утверждению бывшей британской премьер, общество все-таки существует и является совершенно реальной действительностью.

Возможность интеграции в научных исследованиях индивидуализма и методологического холизма предоставляет теория рыночного экономического порядка, причем в изложении и В.Ойкена, и Ф.А. фон Хайека. Методологический индивидуализм оказывается приспособленным к анализу горизонтальных интеракций между рыночными субъектами, реализующими в процессе обмена индивидуальные интересы. В свою очередь, применение методологического холизма становится необходимым в рассуждениях, относящихся к существующим и/или желательным правилам экономической игры, в совокупности складывающимся в экономический порядок. Употребляя несколько иную, чем вышеуказанная, терминологию, В. Ойкен утверждал по вопросу тесной взаимозависимости между действиями свободных человеческих личностей на рынке и экономическим порядком следующее: *«Свобода и порядок не являются противоположностями. Совсем наоборот, свобода и порядок взаимообуславливаются. Формирование порядка происходит в условиях наличия свободы. Введение порядка в ходе какого-то процесса означает, что факторы, оказывающие на него влияние, подлежат формированию так, чтобы процесс автоматически шел в желательном направлении»*.³⁶ Похоже высказывался на эту тему Людвиг Эрхард. *«Совмещение свободы и ответственности требует наличия порядка. Собственно я охотнее высказывался бы на тему нескольких понятий свободы и порядка, потому что ответственность, по-моему, является нравственным понятием, тесно связанным с порядком.....Свобода личности без порядка грозит, несомненно, извращением в виде хаоса»*.³⁷ Приближенный к действительности хозяйственной жизни анализ поведения свободных индивидов, активных на рынке в рамках правил игры, создаваемых существующим экономическим порядком, требует соединения друг с другом исследовательских подходов, характерных для индивидуализма и методологического холизма. Неоклассическая теория экономики, чтобы ограничиться исключительно методологическим индивидуализмом, была вынуждена – ввиду необходимости соблюдения логики ее выводов – абстрагировать от реально существующего экономического порядка. В результате дело дошло до упомянутого выше Дж.К. Гэлбрайтом «технического бегства» от реального мира хозяйственной жизни в мир очень абстрактных, формализованных экономических моделей.

---

³⁵ Моньчиньска, Э., *Экономия и цивилизационный перелом*, «Studia Ekonomiczne» № 3/4, 2009, стр. 150-151.

³⁶ Eucken, W., *Grundsätze der Wirtschaftspolitik*, 7. Auflage, Mohr Siebeck, Tübingen 2004, стр. 179.

³⁷ Erhard, L., *Freiheit und Verantwortung*, [в:] Ludwig Erhard, *Gedanken aus fünf Jahrzehnten*, ред. К. Hohmann, ECON Verlag, Düsseldorf-Wien-New York 1988, стр. 677.

Формализованные модели неоклассической теории экономики заимствуют методологическую инспирацию из естественных наук (главным образом из физики) и математики. Отсюда вытекает и их парадигма – рыночное равновесие, рациональность поведения хозяйственных субъектов и максимизация индивидуальных функций полезности. Сконструированные на этом основании модели совершенного рынка абстрагировали от факта существования государства с одной стороны и этики и нравственности активных в хозяйстве индивидов, с другой. Фактическая же деятельность хозяйствующего общества протекает во взаимном воздействии друг на друга рынка, как механизма общегосударственной координации и размещения, государства и этики и нравственности актеров хозяйственной жизни. Решающее значение последнего фактора упорно подчеркивает чешский экономист Томас Седлячек, автор громкой книги „*Economics of Good and Evil*“.³⁸ По концепции спонтанного экономического порядка Ф.А. фон Хайека, между спонтанно формирующимися в процессе эволюции правилами рыночной экономической игры и этикой и нравственностью индивидов выступает обратная связь. Лишь определенный необходимый для выполнения этой цели уровень этики и нравственности делает возможным эволюционное формирование четких правил. Длительный же процесс самоучения соблюдать обязывающие правила рыночной игры способствует постепенному укреплению нравственности участников процесса хозяйствования. В свою очередь, активная роль государства в становлении экономического порядка, в рамках которого происходит процесс хозяйствования, является фундаментальной предпосылкой ордолиберальной концепции экономической политики В. Ойкена. Формулируя два самых существенных принципа экономической политики государства, он утверждал: *«Первый принцип - политика государства должна быть направлена на элиминацию располагающих экономической властью групп или на ограничение их функций.... Второй же принцип гласит, что активность государства в экономике должна ориентироваться на формирование правил экономического порядка, а не на управление ходом процесса хозяйствования.»*³⁹

В этом контексте стоит отметить, что Алан Гринспен, гуру неолиберальной «free market economy» восьмидесятых и девяностых годов XX века, для иллюстрации антикапиталистических тенденций, выступающих среди многих западных интеллектуалистов, цитирует высказывание бывшего премьера Франции Эдуарда Балладюра. *«Что такое рынок? Он характеризуется законом джунглей, законами природы. А чем является цивилизация? Борьбой с природой».* Бывший шеф американского ФРС высказывается за то, чтобы все-таки не бороться с законами природы, правящими рыночными хозяйственными поведением, поскольку рынок принес в минувшем столетии во многих экономиках огромный прирост внутреннего продукта брутто, благодаря которому удалось значительно поднять качество жизни многих людей.⁴⁰ Единственный постулат этого автора в вопросе изменения нынешнего способа функционирования свободного рынка - повысить долю участия собственного капитала в балансной сумме банков. Правда, этот постулат принципиально правилен, но в то же время слишком сконцентрирован только на одном, слишком узком участке функционирования экономики, чтобы спасти современный капитализм, в котором доминируют международные финансовые институты, от самоуничтожения. Немецкий ордолиберал Вильгельм Рюпке еще в тридцатых годах XX века добивался, чтобы государство защищало капитализм от капиталистов, жаждущих небывалых,

³⁸ Sedlacek, T., *Die Ökonomie von Gut und Böse*, Carl Hanser Verlag, München 2012

³⁹ Eucken, W., op. cit., стр. 334-336.

⁴⁰ Greenspan, A., *Kämpft nicht gegen die Natur*, „Financial Times Deutschland“, 30.01. 2012, стр. 24.

необоснованных экономическими результатами прибылей, чтобы защищало этот строй от капиталистов, которые понесенные ими потери стараются перебросить на общество.⁴¹ В начале второй декады XXI века в эру пресловутого *«too big to fail»*, этот постулат не только по-прежнему актуален, но и приобретает еще большее значение. Необходимо, пользуясь здесь терминологией Балладюра, синтез законов природы, правящих свободным рынком, с завоеваниями цивилизации. В противном случае нам грозит утрата последних. Проблемой являются поиск и, прежде всего, отыскание ответа на вопрос, может ли и как такой синтез быть осуществлен?

Теории экономического порядка, в противоположность главному течению неоклассической теории экономики, а также кейнсианству, создают интеллектуальные предпосылки для исследовательских работ, идущих в указанном направлении. Существенно, что теории устанавливаемого экономического порядка В. Ойкена и спонтанного порядка Ф.Ф. фон Хайека поднимают ключевую проблему правил игры, в рамках которых идет процесс хозяйствования. Вне зависимости от того, установлены ли эти правила политическими властями или сформированы спонтанно в процессе рыночной селекции, они ограничивают поле выбора рыночными субъектами хозяйственных решений. Это способствует меньшей неуверенности относительно поведения партнеров в рыночных интеракциях и наличию и стабилизации их взаимного доверия. В терминологии новой институциональной экономики следствием является снижение трансакционных издержек рыночных актов обмена. В результате экономика функционирует эффективнее, чем если бы правила экономической игры соблюдались не совсем последовательно, были бы некомплектными или если в крайнем случае их бы не было вообще. В ордолиберальной концепции В. Ойкена государство преступает лессеферистические функции государства как «ночного сторожа», дополнительно перенимая ключевое задание творца и сторожа экономического порядка. Ф.А. фон Хайек же в вопросе интерпретации роли государства в экономике остается в лессеферистической мыслительной традиции. Предостерегая перед опасностью появления в экономической политике грозной для рыночного хозяйства и свободы хозяйственных субъектов тенденции к конструктивистскому рационализму, поверяет задачу формировать правила экономической игры, прежде всего, спонтанному и длительному процессу их постепенной рыночной селекции и эволюции.

Если обсужденные теории экономического порядка экспонируют правила экономической игры, то работы других ордолиберальных теоретиков таких, как Александр Рюстов, Вильгельм Репке и Людвиг Эрхард, наряду с правилами экономической игры, поднимают не менее существенный вопрос нравственности и этики действующих в хозяйстве человеческих личностей. В связи с этим В. Репке пользовался попадающим в суть дела описанием антрополого-социологического фундамента рыночного хозяйства. Л. Эрхард заимствовал у антрополога и философа Макса Шелера различие *«свободы от чего-то»* и *«свободы на что-то»*. Глубокий смысл *«свободы от чего-то»* заключается в использовании индивидом по принципам нравственности *«свободы чего-то»*, понимаемой как высвобождение от разного рода ограничений личной свободы принятия решения и действий. Это означает принятие свободными индивидами таких решений и хозяйственных действий, которые обеспечат выживание его и его семьи, а также, интерпретируя шире понятие ответственности –

---

⁴¹ Röpke, W., *Die Lehre von der Wirtschaft*, 13. Auflage, Verlag Paul Haupt Bern-Stuttgart-Wien, 1994, стр. 305.

своей общественной группы и общества.⁴² В более популярной формулировке подчеркивается, что свобода и ответственность представляют две стороны одной медали. Однако реализация «свободы чего-то» требует от индивидов мотивации и умения экономически выживать и развиваться в условиях рыночной конкуренции. Разумеется, не все члены хозяйствующего общества способны полностью или по крайней мере частично справиться с такого рода требованиями. *«Нельзя далее, как прежде, бессмысленно и рутинно полагать, что возможно формирование общественных и экономических порядков для людей, в отношении которых мы a priori предполагаем, что они способны пользоваться свободой, причем эта их способность – если она дана – не может подлежать ни ограничению, ни уничтожению. Такая односторонняя и, впрочем, зачастую только implicite принимаемая гипотеза, что люди действуют в рамках общественных интеракций как существа, способные к свободе, должна быть заменена другой гипотезой, согласно которой в общественной жизни индивиды упражняются и учатся или же не могут научиться пользоваться свободой, которая является предпосылкой существования либерального общественного и экономического порядка....Способность к свободе, по этой гипотезе, является не только предпосылкой существования либерального общества, но и результатом его существования.»*⁴³ Поэтому ордолиберальная концепция формирования общественного порядка рыночной экономики стремится запустить процессы самоучения индивидов ответственно пользоваться имеющимся объемом экономической свободы.⁴⁴ В случае, если в отношении значительной части общества эти процессы не принесут желательного результата, грозит крах антрополого-социологического фундамента рыночного хозяйства. По мнению В. Репке, это поставило бы под вопрос возможность дальнейшего существования рыночного хозяйства, основанного на свободе и ответственности человеческой личности, частной собственности, конкуренции и эластичных ценах.⁴⁵

Согласно теоретикам экономического порядка, на ход процесса хозяйствования в масштабе хозяйства как целого оказывают влияние как существующие правила экономической игры (устанавливаемые и сложившиеся спонтанно), так и моральность активных на рынке индивидов. С точки зрения такого исследовательского подхода можно считать, что правящие рыночными поведением первичные законы природы оказываются в ходе процесса хозяйствования заключенными в цивилизующие их правила экономического порядка и интернализированные рыночными актерами моральные принципы. В такого рода двойных рамках существующего порядка и моральности ход процесса хозяйствования должен, однако, соответствовать традиционному либеральному принципу „Laissez-faire, laissez-passer“. По часто цитируемой в литературе формулировке шотландского философа XVIII века Адама Фергюсона, результаты процесса хозяйствования являются тогда результатом человеческих действий, а не человеческого плана. Ведь теоретики экономического

---

⁴² Erhard, L., *Die Prinzipien der deutschen Wirtschaftspolitik*, „Orientierungen zur Wirtschafts- und Gesellschaftspolitik“, 2005, Heft 104, стр. 17, Пыш П., *Социальное рыночное хозяйство*. Ордолиберальная концепция экономической политики, Wydawnictwo Naukowe PWN, Варшава 2008, стр. 111.

⁴³ Kirsch, G., Mackscheidt, K., Herder-Dorßeich, P., Dettling, W., *Jenseits von Markt und Macht. Eine Ordnung für den Menschen*, Nomos Verlagsgesellschaft, Baden-Baden, 1982, стр. 23.

⁴⁴ Pysz, P., op. cit. стр. 131.

⁴⁵ Röpke, W., *Richtpunkte des liberalen Gesamtprogramms*, w: red: Wolfgang Stützel, Christian Watrin, Hans Willgerodt, Karl Hohmann, *Grundtexte zur Sozialen Marktwirtschaft – Zeugnisse aus zweihundert Jahren ordnungspolitischer Diskussion*, Gustav Fischer Verlag, Stuttgart-New York 1981, стр. 231-232.

порядка отрицают, за исключением чрезвычайных ситуаций экстремального характера, целесообразность негласных вмешательств в ход процесса хозяйствования с намерением оказывать соответствующее политической воле влияние на его результаты.

Концепция В.Ойкена конкурентного экономического порядка, устанавливаемого органами политической власти, имеет в том смысле статический характер, что представленный ею набор конституирующих и регулирующих принципов этого порядка обязывает каждое конкурентное рыночное хозяйство, вне зависимости от страны, в которой оно находится, и независимо от времени.⁴⁶ Это делает ее сходной с главным течением неоклассической теории экономики, которое, подчеркивая свой теоретический характер, последовательно абстрагирует от времени и пространства. В свою очередь, идея спонтанного экономического порядка Ф.А. Хайека в своей основе имеет динамический характер. Ведь спонтанным порядком является процесс взаимоприспособления решений и действий, совершаемых на рынке хозяйственных субъектов. Характерной чертой рыночного хозяйства является наличие саморегулирующейся сети рыночных интеракций. По терминологии этого автора, это порядок действия (*Handelnsordnung*).⁴⁷ Правила экономической игры, возникшие спонтанным способом и являющиеся (зачастую как неформальные правила) составными элементами экономического порядка, представляют собой результат предшествующего спонтанного многолетнего хода рыночных интеракций. Ф.А. фон Хайек подчеркивает, что формирование в процессе эволюционных спонтанных преобразований правил экономической игры требует долгого и даже очень долгого временного горизонта, нередко охватывающего время жизни многих последовательных поколений.

От уровня нравственности активных на рынке индивидов будет зависеть формирование на рынке хайекского порядка действий. Если эти факторы окажутся слабыми и на рынке будет доминировать, прежде всего, краткосрочно ориентированная жадность по правилу «здесь и сейчас», то можно опасаться спонтанного формирования многих неформальных правил экономической игры деструктивного характера.⁴⁸ Тогда порядок действий грозит превращением в беспорядок и хаос, в котором – как известно по систематически повторяющемуся историческому опыту – правит всегда и везде «право сильнейшего». Вытекающие отсюда различные дисфункции и нестабильность косвенно вынуждают интенсифицирование вмешательства государства в функционирование хозяйства. «Чем слабее моральность, тем сильнее государство должно вмешиваться в экономику.....Общество, которое делает ставку на эгоизм без моральности, попадает в состояние анархии».⁴⁹ В расчет входят как установление общеобязывающих, главным образом правовых правил экономической игры, так и непосредственные вмешательства политической власти в ход текущего процесса хозяйствования. Эта зависимость может, однако, действовать и в обратном направлении. Высший уровень моральности участников рыночных интеракций сужает возможности спонтанного формирования деструктивных правил экономической игры. При этом органы государственной власти в меньшей мере втягиваются разнородными

---

⁴⁶ Eucken, W., op. cit. стр. 250-253.

⁴⁷ Hayek, F. A. von, *Recht Gesetz und Freiheit*, J. C. B. Mohr (Paul Siebeck) Tübingen, стр. 99-100.

⁴⁸ Похоже, но с употреблением другой терминологии, высказывается на эту тему Томас Седлячек, см. „Gier ist der Anfang von allem“, интервью Томаса Седлячка, „Der Spiegel“ № 12/2012, стр. 113.

⁴⁹ Sedlacek T., op. cit. 115.

«вынужденными ситуациями» или прямо-таки склоняются/принуждаются к вмешательству в процесс текущего функционирования хозяйства.

О современной мировой экономике можно сказать, что она «шумпетеровская». Йозеф Алоиз Шумпетер, автор концепции „творческой деструкции“, многократно подчеркивал, что прежде всего благодаря нагоняемому интенсивной рыночной конкуренцией введению «предпринимателями пионерами» все новых, зачастую революционных комбинаций факторов производства, капиталистическая рыночная экономика динамически развивается.⁵⁰ Но это сопровождается не стабильностью и экономическим равновесием, а скорее неравновесием и нестабильностью.⁵¹ Характерное для современности в крупных экономических группировках (в том числе в ЕС), как и в отдельных национальных хозяйствах, большое и растущее число зачастую захватывающих врасплох затронутые ими общества экзогенных и эндогенных «шоков» является убедительной иллюстрацией тезиса этого мыслителя об имманентной, а не только временной, нестабильности процесса капиталистического развития. Высокая динамика развития рыночного хозяйства в многих странах мира, вход на мировые рынки бывших европейских социалистических государств, как и крупных развивающихся государств, в частности Китая, Индии, Бразилии и Индонезии, головокружительный темп развития информационных техник, гигантские международные потоки капитала и т.д. способствуют интенсифицированию рыночной конкуренции в глобальном масштабе. Все быстрее появляются новые комбинации факторов производства. Это имеет много различных последствий. Особенно существенна нарастающая, можно сказать, что прямо-таки по геометрической прогрессии, сложность современных экономик и их международных связей.

Все большая, нарастающая сложность современных экономик создает шанс, и прежде всего все сильнее ощущаемую необходимость замены доминирующей до сих пор негласной экономической политики формированием экономического порядка и одновременно самоучения индивидов ответственно пользоваться имеющейся экономической свободой в соответствии с принципами моральности и этики. Национальные и наднациональные центры принятия решений, занимающиеся негласной экономической политикой, уже сейчас вступают, а в будущем будут вступать еще сильнее в конфронтацию с тем, что их «мощности» в сфере обработки информации ограничены. Чтобы продолжать нынешнюю негласную политику, этим центрам придется обеспечить себе непрерывное увеличение потока поступающей к ним информации о ходе процесса хозяйствования. В свою очередь, эта информация должна быть преобразована в адекватные решения политики. Очередным необходимым шагом является передача этих решений на ступень рыночных субъектов и контроль за их реализацией. Являющийся результатом высокой степени сложности современных экономик избыток информации, требующей приема, преобразования и передачи потребителям, заставляет предпринимать действия, направленные на уменьшение сложности информационных потоков, главным образом, в вертикальных информационных каналах. Ведь в противном случае им грозит попросту «закупорка», то есть пользуясь другой терминологией – информационный инфаркт.

---

⁵⁰ Schumpeter, A. J., *Kapitalismus. Sozialismus und Demokratie*, изд. 7., Francke-Verlag, Tübingen-Basel, 1993, стр. 193 i n.

⁵¹ Шумпетер, А. Й., *Теория экономического развития*, Государственное научное издательство, Варшава 1960, стр. 405.

Уменьшить сложность потоков, информирующих о ходе процесса хозяйствования, можно двояким способом. Одним из них является углубление негласного характера экономической политики через дальнейшее сокращение временного горизонта целей и действий политики, дальнейшее ограничение предметного объема как целей, так и действий, выбор совместимых с указанными тенденциями все более селективных инструментов управления хозяйством и т.д. Результатом этого до сих пор широко применяемого способа уменьшения сложности является фрагментаризация хозяйственной политики, умножение числа ее краткосрочных вмешательств, реагирующих *ex post* на неожиданные события в ходе процесса хозяйствования и в конечном счете возникновение опасного для четкого функционирования хозяйства «регулируемого хаоса».

Качественно иным способом уменьшения сложности информационных потоков, постулируемым теориями экономического порядка, является использование для этой цели общих правил рыночной игры. Ф.А. фон Хайек сформулировал относительно этих правил условия, которые мог бы одобрить и В. Ойкен. Это следующие фундаментальные указания:

- Правила должны касаться решений всех без исключения активных в хозяйстве субъектов, иметь общий характер и не быть ориентированными на иную цель, чем обеспечение четкого функционирования и стабилизации существующего рыночного экономического порядка,
- Правила должны быть сформулированы в общем негативно, т.е. запрещать определенные решения и действия, но не диктовать какие-либо другие решения и действия. Ведь основной принцип либерализма гласит: что не запрещено *explicite*, тем самым разрешено,
- Субъекты хозяйственных решений должны быть уверенными, что несоблюдение обязывающих правил игры влечет за собой неизбежные, точно определенные негативные последствия.⁵²

Согласно теории экономического порядка, в рамках создаваемых существующими правилами игры интеракции между рыночными субъектами должны осуществляться совершенно свободно. Не имеет значения, установлены ли эти правила органами государственной власти или они сложились спонтанно в длительном процессе рыночной селекции. Характерные для реалий экономической жизни гибридные решения, отличительной чертой которых является наличие в данном хозяйстве правил игры, типичных и для устанавливаемого, и для спонтанного порядка, не должны нарушать лессеферистское формирование рыночных интеракций. Как известно, Ф.А. фон Хайек, правда, критически оценивал величину ресурсов знания отдельных индивидов, но был убежден относительно того, что рыночная конкуренция запустит «*процедуру открытия*» децентрализованного знания отдельных людей и их групп. В ходе рыночных интеракций это должно обеспечить объединение рассеянного децентрализованного знания в намного большее коллективное знание (мудрость) рынка.⁵³ Наличие возможности объединения на рынке децентрализованного знания имеет решающее значение для способа разрешения вопроса потоков информации в

---

⁵² Hayek, F. A. von, *Grundsätze einer liberalen Gesellschaftsordnung*, Mohr Siebeck, Tübingen, 2002, стр. 74-79. Этого автора также: *Rechtsordnung und Handelsordnung. Aufsätze zur Ordnungsökonomik*, J. C. B., Mohr (Paul Siebeck), Tübingen 2003, стр. 74-91.

⁵³ Hayek, F. A. von, *Rechtsordnung und Handelsordnung. Aufsätze zur Ordnungsökonomik*, Mohr Siebeck, Tübingen, 2003, стр. 196-197.

общехозяйственном масштабе. Государство, формирующее правила экономического порядка согласно концепции В.Ойкена, правда, тоже требует для реализации этой задачи определенной информации, но ее поток может быть более ограниченным, чем это было бы необходимо в случае ведения им негласной экономической политики. В отношении спонтанного формирования экономического порядка в процессе рыночных интеракций такого рода востребование *ex definitione* вообще не выступает. В общем можно утверждать, что принципиальное уменьшение сложности информационных потоков, необходимых для осуществления экономической политики, может быть совершено только путем радикальных перемен. Речь идет о взятии на себя в большом объеме задачи обмена информацией в масштабе всего хозяйства горизонтальными рыночными интеракциями, активизирующими децентрализованное знание отдельных людей и объединяющими их в коллективное знание рынка. В результате этого органы политической власти выраженно освобождаются от значительной части их нынешних задач информационного характера.

Степень уменьшения сложности информации, поступающей в центры принятия решений экономической политики, зависит также от уровня нравственности и этики рыночных актеров. При недоразвитии этих факторов можно ожидать спонтанного формирования сравнительно многих деструктивных правил спонтанного порядка. Это будет склонять и принуждать органы политической власти к усиленной активности в формировании заменяющих их правил устанавливаемого порядка. Это повлечет за собой большее востребование этими органами информации о ходе процесса хозяйствования, а особенно о выступающих в результате сформирования деструктивных правил экономической игры разнородных неуравновешенностей, дисфункций и несправедливости. Перевернув такое рассуждение, можно, в свою очередь, сказать, что высший уровень нравственности и этики создает предпосылки, способствующие осуществлению одного из конституирующих принципов конкурентного порядка В. Ойкена о необходимом постоянстве этой политики. *«Постоянство относится к центральным требованиям политики конкурентного порядка. Экономическая политика должна создать конституциональные рамки для хода процесса хозяйствования. Эти рамки нужно последовательно стабилизировать и изменять их только очень осторожно.»*⁵⁴ При последовательной постоянной экономической политике востребование ее центрами принятия решений информации уже не будет расти, а, наоборот, стабилизируется или даже уменьшится.

5. Заключение

1) На поставленный во введении реферата вопрос о пригодности обсуждаемых экономических теорий к разработке концептуальных фундаментов экономической политики, берущей на себя задачу формирования порядка мировой экономики, ответ однозначен. Как неоклассическая теория, так и теоретическая база неолиберальной доктрины так же, как и кейнсианская мысль, могли бы внести вклад в реализацию этой задачи исторического масштаба исключительно очень несовершенным способом и в очень ограниченной степени, или не могли бы вообще. Причиной их ограниченной пригодности является факт, что упомянутые экономические теории сосредоточили исследовательские усилия вокруг хода процесса хозяйствования в микро- и макроэкономическом масштабе с целью обеспечить оптимальное размещение благ и ресурсов (неоклассическая теория и неолиберализм) или же восстановить нарушенное

---

⁵⁴ Eucken, W., op. cit. стр. 289.

макроэкономическое равновесие и стабилизировать его (кейнсианство). При этом они абстрагировали от рамочных условий процесса хозяйствования, создаваемых совокупностью правил игры экономического порядка и моральностью членов хозяйствующего общества. С перспективы теории экономического порядка это кардинальная мыслительная ошибка названных экономических теорий.

2) Намерение подражать теоретической физике «заключило в оковы» неоклассическую теорию методологического индивидуализма. Принятие за основу рациональности поведения хозяйственных субъектов принудило экономистов к упомянутому Дж.К. Гэлбрейтом «техническому бегству» от реальной экономической жизни в мир экономических моделей. Ярко выразился о них его сын Джеймс Гэлбрайт. *«Некоторые из этих моделей ведут никуда и опасны. Однако эти модели не следует просто выбросить, они должны быть помещены в какой-то музей, где мы могли бы с ними ознакомиться, как с пугающим примером из истории экономической мысли»*⁵⁵. Для научного анализа действительности, в которой функционируют хозяйствующие общества, необходим синтез индивидуализма с методологическим холизмом. Ведь хозяйствующая человеческая личность является не только «*homo oeconomicus*», но и более сложным индивидом, т.е. „*homo socio-oeconomicus*“. Такой подход к экономическим исследованиям отвечает тому, что В. Ойкен имел в виду в первой половине XX века, т.е. преодолению антиномии между теоретическим и историческим аспектами процесса хозяйствования.⁵⁶ Первый представляется стоящим вне времени индивидуалистическим пространством неоклассической теории, а второй - холистической теорией экономического порядка, позволяющей описать порядок, реально существующий в данной стране или хозяйственном пространстве в определенное время. Синтез этих двух аспектов стал бы действием, ведущим к воспроизведению общественного и эмпирического характера экономики как науки.

4) Теории экономического порядка, давая возможность экономического мышления одновременно в категориях индивидуализма и методологического холизма, позволяют представлять экономический порядок и ход рыночного процесса хозяйствования в их взаимозависимости. Это означает, что согласно ордолиберальному тезису о примате порядка, он влияет на ход процесса хозяйствования, и наоборот, ход этого процесса оказывает влияние на форму порядка. Таким образом, теории экономического порядка позволяют уйти от не очень-то познавательно плодovitого исследовательского подхода, заключающегося в количественном представлении взаимозависимости государство – рынок. Он сводится к рассмотрению этой фундаментальной для теории экономики и экономической политики связи в категориях игры с нулевой суммой. Меньше рынка означает больше государства и, наоборот, расширение сферы деятельности государства в экономике влечет за собой ограничение свободы функционирования рыночного хозяйства. Теории экономического порядка указывают на возможность и необходимость качественного представления этой проблемы. Государство, или, иначе говоря, органы политической власти должны формировать правила игры, образующие экономический порядок, или создавать условия, способствующие их спонтанному формированию на рынке. В создаваемых ими общеобязывающих рамках шел бы саморегулирующийся процесс рыночных интеракций, в котором члены хозяйствующего общества учились бы по принципу

---

⁵⁵ Galbraith, J. K., *Europa droht eine Explosion der Ungleichheit*, „Financial Times Deutschland“, 16. 04. 2012, стр. 14.

⁵⁶ Eucken, W., *Nationalökonomie wozu?*, изд. 5, Klett-Cotta, Stuttgart 2005, стр. 26-30.

learning by doing ответственному пользованию имеющимся объемом «свободы от чего-то». Это было бы это равнозначно с повышением уровня их экономической моральности.

5) Снятие с государства чрезмерной нагрузки или даже предотвращение информационного коллапса, связанных с негласным способом осуществления экономической политики, позволяет получить большую дистанцию и высшую степень независимости относительно различных групп хозяйственных интересов. Это необходимое условие, от удовлетворения которого зависит объем действий государства и его эффективность в формировании общеобязывающего экономического порядка. Это особенно существенно после окончательного краха в начале девяностых годов XX века лагеря государств реального социализма. Отсутствие системной альтернативы капитализму привело к тому, что современные финансовые элиты уже не видят непосредственного повода для поведения в соответствии с рекомендациями Аристотеля, утверждавшего более двух тысяч лет тому назад, что только в одном не может человек преувеличить, т.е. в соблюдении умеренности. Ведь по опыту истории известно, что для выживания демократического государства в длительном периоде необходимо наличие экономической свободы и рыночного хозяйства. Однако эта зависимость не действует равно последовательно в другую сторону. Так как экономическая свобода и рыночное хозяйство могут существовать одновременно, не уменьшая выгод упомянутых элит и даже их умножая, с разными формами авторитарной или даже тоталитарной государственной власти.⁵⁷ Но тогда свобода человеческой личности и общественная справедливость реально находятся под угрозой. По мнению В. Ойкена, именно поэтому одной из основных задач органов государственной власти будет недопущение появления центров хозяйственной власти, умеющих навязать свою волю другим хозяйственным субъектам или государству. Политика формирования конкурентного экономического порядка является средством действия, позволяющим достичь этой цели.

6) Ситуация, характеризующаяся доминированием в экономике почти до конца первой декады XXI века только одного неоклассического мыслительного течения и базирующейся на нем неолиберальной доктрины, стоит критики, а особенно с перспективы сформулированной Ф.А. фон Хайеком концепции конкуренции как «процедуры открытия» децентрализованного знания. Конкуренция в рыночной экономике является – что общепризнано – мотором прогресса. Почему бы не отнести этого к «рынку» идей и исследовательских методов в экономике? Предприятие экономистами исследований в области проблематики экономического порядка будет способствовать активизации, наряду с ордолиберализмом, новой институциональной экономики, политической экономики и конституциональной экономики и, не в последнюю очередь, и экономической истории. Более широкий учет общественных аспектов хозяйствования вызовет рост заинтересованности качественными исследовательскими методами бихевиоральной экономики и психологической экономики. Отход от неоклассического монизма в экономике будет способствует интенсифицированию конкуренции между разными школами мышления и их исследовательскими подходами. В результате конкуренции и взаимообмена идеями и концепциями можно ожидать чрезвычайно необходимого в современной ситуации «нарушенного равновесия»

---

⁵⁷ Kurbjuweit, D., *Rückkehr der Ruchlosen – Über das Verhältnis von Demokratie und Kapitalismus*, „Der Spiegel“, 52/2011, стр. 29-30.

мировой экономики дальнейшего развития и прогресса науки экономики.⁵⁸ Кроме того, теория экономического порядка, интегрируя в свои рассуждения правила игры и моральность участников процесса хозяйствования, с одной стороны, и анализ хода процесса хозяйствования, с другой, в отличие от формализованной и заключенной в логику методологического индивидуализма и рациональности поведений неоклассической теории является открытой теорией. Это предопределяет тот факт, что научный анализ существующего экономического порядка и его влияния на ход процесса хозяйствования прямо-таки вынуждает учет исторических, культурных и социальных обусловленностей существующих правил экономической игры и моральности членов хозяйствующего общества. Это сделало бы науку экономики склонной не так, как в прошлые годы, к своеобразной «колонизации» других общественных наук, а к междисциплинарной кооперации с ними в вопросах, существенных для ее исследовательской программы.

---

⁵⁸ На необходимость плюрализма школ мышления в науке экономики в поиске истины обращает внимание Эльжбета Моньчиньска. См. *Doctrina multiplex, veritas una*, в книге Эдварда Лукавера, *О тех с наивысшей полки, то есть по делу нашей экономической среды*, Польское экономическое общество, Краков, 2008, стр. 277-281.